

Zipro / рассказ

Category: HeKaýalar, Kitapcy

написано kitapcy | 24 января, 2025

Zipro / рассказ ZIPPO

Однажды кто-то проехал по титановой зажигалке “Zipro” оранжевым стотонным катком. Хотел, вероятно, проверить прочность её сплава. И не решился бы он на столь отчаянный шаг, если бы не знал доподлинно всех уступок компании: владельцам огнива “Zipro” дали обещание принимать каждое изувеченное изделие и великодушно обменивать его на новое.

Этот эпизод переснимался четыре раза: то каток останавливался на полпути, то зажигалка начинала трещать, истерично выдавая своё несовершенство. Оператор выдумывал подходящие эффекты: впускал в павильон наволоки жёлтого дыма, обстукивал актёра тысячами искусственных градин и всё не решался завалить площадку снегом. При этом он успевал заглядывать в фильмочный канал, смешивать чёрный кофе с кока-колой и улыбаться ассистентке режиссёра.

Иногда он останавливался: усаживался в коридоре среди браваурной массовки, доставал книгу и отчаянно пытался прочесть хотя бы страницу. В последние три месяца он прицельно теребил Хемингуэя. Услышал где-то, что у него есть описание моря, и теперь листал “Праздник, который всегда с тобой” в поисках рассказов о подлодках и волнах. Пролистывал несколько страниц и траурно шёл назад в павильон, откуда уже кричали: “Гер, ты готов? Продолжаем съёмку!”

Гера возвращался домой на рассвете, затворялся в синий конверт-одеяло с крохотным, посеревшим с годами снеговиком, читал и слушал, как соседи за стенкой бренчат ложками, перемешивая сахар в гранёных стаканах. В промежутках между чтением он выходил на лестничную площадку курить и дожидаться внезапно приходящего утра. Зимой он ложился поздно, летом чуть раньше, но не это было главным. Главным был рассвет. Он фотографировал его с четырёх точек: с балкона, из кухонного окна, с лестничной площадки и, если повезёт с погодой, с

карниза крыши. Гера руководил светочувствительными солями серебра, будь то цветная фотобумага или чёрно-белые силуэты, обращая их эмульсии то на покрасневший дом напротив, то на худосочного пожилого спринтера в парке.

Фотографии он вывешивал на стены, всякий раз пытаюсь закончить рисунок. Иногда фреска становилась полной, но появлялись новые кадры, и картина снова оказывалась частью мозаики. Вверху, прямо над стеллажом, сидели на цветных снимках чёрно-белые люди. Они беспрестанно повторяли одну и ту же фразу: “Что говорить, когда говорить нечего”, – создавая иллюзию увлечённости беседой, позируя шалому фотографу. Слева от людей нависли фотографии деревьев. Это были не те растения, что стоят вдоль дороги, ведущей в аэропорт, они скорее являлись погостными зрителями с кряжистыми корнями. Их ежечасно подкармливала земля, жертвуя своим неистощимым загашником.

Гера не знал, к чему ему профессия оператора, но летние каникулы уже закончились, и нужно было определяться со специальностью. Выбор пал на два факультета: на тот, где все постоянно что-то читали, и на тот, где на чтение не оставалось времени. К кино он относился тепло, не более того, смотрел Дзефирелли, вожделенно улыбаясь Джульетте, и долгое время не желал понимать Феллини, уличая Амелию Бонетти в отсутствии грации. Поступил мгновенно, не обив ни одной лесенки ВГИКа, и тут же стал перворазрядным востребованным киношником на студенческих вечёрках. Усаживался на пороге туалета и начинал ловить бесценные кадры давки однокурсников, сохраняя их при помощи всё того же “адского камня” – азотнокислой соли серебра, неременного создателя шедевра фотографии.

Когда ему было пятнадцать, он остро заболел. Мама привела его к участковому доктору, и оттуда они поехали в областную больницу. Одежду, в том числе пару ценных кепок, ему привезли уже на следующий день прямо в палату. Каждый день наполнялась новая пунцовая пробирка, и так же часто возникали синяки на Гериных венах. Спустя неделю ему поставили диагноз: хроническая желтуха. Он полюбил паровые котлетки, перестав вспоминать хрустящие душистые шкварки мяса, и освежил вкус запашистого парного молока.

В одну из суббот они с отцом отправились наполнять продуктовые сетки на соседний рынок. Провели пятнадцать минут в мясной палатке, выбирая обезжиренные кусочки курицы, после чего отец, не выдержав, наконец, вида кровавых тушек, удалился покупать “Родопи”. Гера остался наедине с продавцом, седым грузином, и его прищуром. Сквозь складки век просвечивали полиэтиленовые пакетики с серой краской, какие бывают только у очень старых людей. Он кряхтел, передвигаясь по периметру витрин, и общипывал правую ногу, шепотом на своём языке ругая её нечувствительность. Из кондитерской лавки напротив появился ребёнок лет четырёх и, поморщившись, показал Гере язык. Продавец, опершись на стеклянный гроб с трупами кур и телятиной, тем же шёпотом спросил: “Эй, малой, я лишусь ноги?”. Ребёнок, продолжая гримасничать, ответил строгим “Да” и понёсся к матери получать шлепок. Гера продолжал стоять перед витринами, мучимый теперь лишь одним вопросом: “Зачем спрашивать малютку?”. Пакетики с серой краской уставились на улицу, и вдруг как будто один из них кто-то проткнул шилом. Грузин вытер щеку и, не разжимая губ, объяснил Гере: “Ребёнка можно спрашивать о чём угодно, он, сам того не понимая, всегда скажет правду”. Через два месяца, когда продуктовые сетки изрядно отошдали, Гера вернулся в мясную палатку. Толстая рыжеволосая женщина взвешивала длинный заскорузлый телячий язык. На Герин вопрос: “А где старый продавец?” – она грубо улыбнулась и показала Гере на инвалидное кресло с ровно сложенным в нём клетчатым одеялом.

После этого случая лучшим пророком для Геры стал ребёнок, любой ребенок. Он нахраписто спрашивал у играющей в песочнице детворы, сдаст ли экзамен по литературе, возьмёт ли отец его в Баренцево море, переживёт ли теперь мать пожизненное одиночество. Произошло это в то же время, когда европейские газеты вдруг участливо и безвозмездно отдали несколько полос под обзор событий в России. “Русские объявили команду подводной лодки погибшей”, – писали в Швейцарии. Созвучно ей роптали: “Курск” заполнен водой, выживших нет” – в Норвегии. “Несмотря на безнадежную ситуацию, командование хотело продолжить поиски с помощью специальных видеокамер, –

поддакивала Австрия и дошёптывала на ушко: – Но все были вынуждены признать очевидную гибель всех членов экипажа”. Чувствительнее других были последние две газеты, подмигнувшие Гере сквозь решётку почтового ящика, одна из них даже как-то по-португальски: “Смерть. Официально объявленная, неизбежная, ожидавшаяся – и о которой все уже догадывались”. “Российский атомоход “Курск” стал огромной могилой из стали и воды, с двадцатью четырьмя крылатыми ракетами и ядерным реактором вместо цветов”, – эстетствующий Лиссабон завершил вереницу. Какая-то женщина, похожая на собирательный образ всех жён и матерей, ставила свечи в память о подводниках в питерской церкви. Прошёл один день, и её фотография появилась под заголовком “Россия скорбит о своих погибших”, притом под заголовком газеты не родной, а копенгагенской. Учитывая подобную вероятность нападения учителей и одноклассников, Гера месяц старался не показываться на людях, осваивая всё новые техники фотографии. Но как он ни тщился, и натюрморты, и портретные фото выходили теперь с одним и тем же сюжетом: двенадцатое августа, двухтысячный год. Одиннадцать утра, Баренцево море, сто пятьдесят семь километров к северо-востоку от Североморска. Авария атомной подводной лодки К-141. “Курск”, не слышу вас...” Любая фотография извинялась: “Мы все скорбим, смотря тебе в камеру”, предметы в натюрморте сами собой складывались в поминальный набор: любой кусок хлеба казался чёрным, любая плошка – рюмкой с тёплыми пятьюдесятью граммами водки.

Небо перемешивалось с черничным вареньем, становясь сперва бордовым, затем чернеющим. В поезде, везущем Геру, наступала ночь. Из разных его уголков доносилось детское лепетанье, бренчанье подстаканников и утомлённый людской шёпот. Проводник неусыпно разносил чай в надежде на последующий за ним покой и раздавал одеяла продрогшим пассажирам, путешествующим в одиночку. Каждое его движение сопровождалось теньканьем монет и тяжкими вздохами.

– Чаю мне можно?

– Можно.

Гера спустился с верхней полки, нечаянно потревожив спящего

внизу старика, и пошёл в купе проводника.

– И что вам всем не спится...

– Рано ещё спать, детишки ещё даже не умолкли.

– Ладно. Заходи, что ли, ко мне, у меня ещё на пару рюмок хватит.

Гера присел на пятнистое скомканное покрывальце и отставил чай.

– Ночью лучше спать...

Они, не чокаясь, выпили по семьдесят грамм. Гера, поморщившись, отломил лежащий у раковины кусок хлеба и вдохнул пыльный пшеничный запах.

– Не надоело вот так взад-вперёд ездить?

– Надоело. А ты к кому спешишь?

– Я не спешу. Так, по делам по некоторым еду. Материал собираю.

– Журналист, что ли?

– В некотором роде...

Проводник нашарил под сиденьем другую бутылку водки.

– У меня тут ещё есть на случай...

– Я не против.

Гера укутался одеялом и подставил пустую рюмку.

– Рассказывай давай, что за материалы.

– Помнишь “Курск”, многоцелевая атомная подводная лодка, “убийца авианосцев”. Проект № 49-А “Антей”, по классификации НАТО – “Оскар-2”. Разработана в тысяча девятьсот восьмидесятые годы в Центральном конструкторском бюро морской техники “Рубин”. Построена в Северодвинске, спущена на воду в тысяча девятьсот девяносто четвёртом году. Длина сто пятьдесят четыре метра, ширина...

– Стой, стой, ты цифрами-то меня не грузи...

– Подожди, закончу сейчас. Скорость в надводном положении – тридцать узлов, в подводном – двадцать восемь...

– Слушай, парень, мне это ни к чему всё!

– Главное скажу: вооружение у неё – двадцать четыре крылатые ракеты “Гранит”, четыре торпедных аппарата, две глубинные бомбы. Лодка может находиться в автономном плавании до ста двадцати дней.

– Тебе до неё какое дело?

– У меня отец там погиб.

– Мои соболезнования, а едешь-то зачем?

– Гнило всё произошло. Лучший папин друг каждый день сообщал нам новости. Приходил, такой, разувался, ужинать садился и начинал рассказывать. Много так говорил, а по делу – ничего путного. На другой день, как авария случилась, по телевизору орать все стали... одни – одно, другие – другое. Друг папин, дядя Костя, тоже: и о глубине, на которой находилась затонувшая лодка, и о составе экипажа врал, врал, что лодку удалось подключить к системам энергетики и регенерации воздуха, что в течение нескольких суток после аварии отец и другие подводники давали о себе знать путём перестука азбукой Морзе.

Гера начал отрывисто стучать рюмкой по столу. Уже изрядно опьянев, проводник кулаком прекратил шум.

– Врал... врал... а зачем?

– Сам не знаю. Сильнейший взрыв сложил все переборки до пятого отсека, отрезав отцу путь к спасательной камере, рассчитанной на всех членов экипажа. Самостоятельно подняться на поверхность они не смогли, слишком глубоко. На отца давил стотонный каток воды...

Гера налил ещё водки, приложил ладони к сырому запотевшему окну и намочил лоб.

– В кормовых отсеках потом ещё какое-то время захлёбывались живые... люди...

– Да уж.

– Отец мог выжить, понимаешь?! Только наши спасатели что-то всё спасали, спасали... Тут же и британская помощь прибыла, правда, только через неделю.

– А друг-то что?

– А друг будто бы знал, что так всё закончится. Он тоже должен был быть там, с ними за воздух бороться, а он, видишь, чай теперь с нами пьёт.

– Не надо так – злишься на человека попусту. Меня, кстати, тоже Костей зовут.

Гера пожал проводнику руку, выпил ещё рюмку, закрыв глаза, и

следующие двадцать минут их не открывал.

– ...Мы в Свердловск ехали. Ночью слышу – компания одна шумная, человек семь, бузит, ржут чего-то, водку жрут. Я им замечание, а они меня на хер посылают. Пойду, думаю, к себе, дверь открытой оставляю, если разбуянятся совсем, с молотком приду... Через минут пять к ним девка заходит. Пышная такая девица в юбке джинсовой, улыбается, сучка. “Мальчики, – говорит, – к вам присоединиться можно?” Больше я её не слышал. Слышал только, как по очереди они над ней кряхтели, а потом один из них материться на весь вагон стал. Я уже не выдержал, подошёл к соседнему купе и жду. Они давай переговариваться: “Что теперь делать с ней?” – “Что-что, сдохла, лярва, в окно её давай выкинем!” Дальше был только хруст открывающегося окна и возня семи пьяных тел и одного мёртвого...

– Ты ничего не сделал?

– А что я мог? Я мог только сам оказаться ещё одним трупом...

– Так на твоих глазах преступление произошло...

– Ну, ты идеалист тупой! Ты вообще на земле живёшь, придурок?

Гера встал, поднял упавшее на пол одеяло и, укрывшись им с головой, отправился спать. Голова Герины кружилась, за закрытыми глазами в волнах барахтались джинсовые силуэты, периодически отливая крапчатым бордовым. За стенкой кто-то напевал песню, затем громко чихнул, на что женский голос заливчато засмеялся, через час всё стихло.

Утром Гера снял с ёжистой ехидной подушки наволочку, свернул простыни в яркий ком и понёс их Косте.

– А, это ты, идеалист-придурок! Встал! Как твоя голова?

– Да нормально всё. Слушай, ты хороший мужик, ты береги себя, ладно? Работа у тебя и правда дерьмовая. Жизнь не лучше.

– Ну что ты, я же проводник...

Гера достал фотоаппарат и сделал три портретных кадра: первый – где проводник теребил комки постели, второй – где он подавал ему руку, и третий – где Костя уходил в перспективу вагона.

На станцию Гера вышел уже в десятом часу, когда небо расправило тучи, а дождь потихоньку стал заявлять о первенстве над площадью Северо-Западного микрорайона города. К обеду он узнал у местной администрации, что в Курске был похоронен его

отец. Кроме его могилы он нашёл ещё одиннадцать симметрично убранных захоронений – десятая часть членов экипажа затонувшей в августе двухтысячного года подлодки. В память о членах экипажа субмарины в том же дождливом районе из влажной земли выростали сто восемнадцать берёз, соединявшихся в перспективе в сановную аллею. Между ростками её теперь стоял фрагмент ракетного отсека подлодки, поднятый со дна Баренцева моря. На верхней его части играли дети. Гера сделал пару кадров, подошёл к одному из ребятшек и задал вопрос: “Эй, парень, я действительно идеалист-придурок?” Парень отвернулся и продолжил жужжать и кружиться, увлечённый игрой. Вероятно, он был слишком взрослый и уже не годился для правдивых ответов.

Об авторе: ПОЛИНА КЛЮКИНА

Была первым редактором Отдела Прозы журнала «Литература» – с апреля по август 2014 г.

Родилась в Перми. Окончила художественно-графическое отделение пермского педагогического училища № 4, Пермский государственный институт искусств и культуры по специальности «режиссер театрализованного коллектива». Окончила Литературный институт, семинар Алексея Варламова. Живет в Москве, работает журналистом. Лауреат премии «Дебют» 2009 года. Neкаýalar